

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 276–296

Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 276–296

DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-276-296

Роль массового сознания в формировании приверженности японцев национальным традициям

М. П. Герасимова

Аннотация

Автор статьи ставит перед собой задачу ответить на вопрос, что сегодня способствует сохранению национального своеобразия японской культуры и почему одной из ее характерных черт является приверженность традициям, а также выявить целесообразность рассмотрения хранящихся в массовом сознании ментальных установок, порожденных традиционным пониманием мира и места человека в нем. «Массовое сознание» понимается как деперсонализированное сознание подавляющего большинства членов общества. Исследователи массового сознания считают, что оно начинает формироваться в древности и многие его компоненты надолго сохраняются в коллективном подсознании общества.

Становление психологического склада японского народа, его религиозно-мировоззрения, эстетического идеала также произошло в древности, в IV–VII вв. н.э. Сформировавшиеся в этот период особенности японской культуры в дальнейшем развивались в том же русле. Это дает основание говорить о существовании константы понятийного свойства в массовом сознании той части общества, в которой закладывались основы национальной культуры, постепенно распространившейся во всех слоях общества. Формами выражения и функционирования массового сознания считаются общепринятые нормы: обычаи, идеалы, этические и эстетические ценности и пр.

Памятники литературы и искусства, исследовательские работы зарубежных и отечественных японоведов позволяют выделить мировоззренческие компоненты, которые, будучи запечатлены в массовом сознании общества, образуют «код» для сохранения его специфики в самом широком смысле слова. Мировоззрение японцев сформировалось на основе синто-даосско-буддийского синкретизма. Составные части этого кода – восприятие человеком себя как неотъемлемой части Универсума, равной

всем остальным его частям; убежденность во всеобщей взаимосвязанности вещей и, как следствие, стремление к поддержанию гармонического взаимодействия всех элементов мироздания; вера в одухотворенность всего сущего.

В статье прослеживается влияние этих компонентов на формирование ценностных ориентаций, обусловивших особенности японской культуры, не потерявших своей актуальности по сей день.

Ключевые слова: массовое сознание, традиция, мировоззрение, человек – Природа, всеобщая взаимосвязанность вещей, эмоция, искусство.

Автор: *Герасимова Майя Петровна*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН: 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12.

ORCID: 0000-0002-4751-3087;

E-mail: maiyasalve@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Role of Mass Consciousness in the Formation of the Japanese Adherence to National Traditions

M. P. Gerasimova

Abstract

The author aims to answer the question of what presently contributes to the preservation of the national uniqueness of the Japanese culture and why one of the characteristic features of the Japanese is their adherence to traditions, and also to point out the importance of considering the mental attitudes of the mass consciousness, which are generated by the traditional understanding of the world and a person's place in it. Mass consciousness is understood as a depersonalized consciousness of the vast majority of the members of a society. The researchers of mass consciousness believe that it begins to form in ancient times, with many of its components preserved in the collective subconscious of society for a long time.

The formation of the psychology of the Japanese, their religious outlook, and aesthetic ideal also took place in the 4th – 7th centuries. In subsequent periods, the previously formed specific features of the Japanese culture were further developing in the same way. This suggests the existence of a conceptual constant in the mass consciousness of the part of society in which the basis of the Japanese culture was formed. Gradually, it spread to all segments of society. The functioning of the mass consciousness manifests itself as universally accepted norms: customs, ideals, ethical and aesthetic values, etc.

Works of literature and art, research by foreign and Russian Japanologists make it possible to single out worldview components that, being imprinted in the mass consciousness of society, form a “code” for preserving the specifics of the Japanese culture in the broadest sense of the word. The worldview of the Japanese was formed on the basis of the Shinto-Taoist-Buddhist syncretism, the components of this code being: a person’s perception of themselves as an integral part of the Universe; conviction in the universal interconnectedness of things and, as a result, focus on maintaining harmonic interaction of all elements of the world; belief in the spirituality of everything.

This article traces the influence of these components on the formation of value orientations that determined the peculiarities of Japanese culture and have not lost their relevance to this day.

Keywords: mass consciousness, tradition, worldview, human – Nature, universal interconnectedness of things, emotion, art.

Author: *Gerasimova Maya Petrovna*, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-4751-3087

E-mail: maiyasalve@gmail.com

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Научно-технический прогресс и приверженность национальным традициям – эти характеристики Японии наиболее часто встречаются в научных и популярных работах на протяжении более ста пятидесяти лет.

Попытка ответить на закономерно возникающий вопрос, что сегодня способствует сохранению национального своеобразия

японской культуры и почему одной из характерных черт японцев является приверженность традициям (которую легко спутать со стремлением соблюдать ритуалы, обычаи и поддерживать национальный колорит) привела нас к выводу о целесообразности рассмотрения хранящихся в массовом сознании общества ментальных установок, порожденных традиционным пониманием мира и места, которое занимает в нем человек. Они находят выражение в разных формах: нормы, обычаи, ценностные ориентиры в разных областях жизнедеятельности людей – от промышленно-производственной до культурно-просветительской и художественной, включая повседневную жизнь и межличностные отношения. В рамках данной статьи предполагается проследить «работу» компонентов массового сознания, обусловивших появление этих установок, и проанализировать особенности японской культуры с точки зрения культурной антропологии.

«Массовое сознание» в данном случае понимается как деперсонализированное сознание подавляющего большинства членов общества, как его коллективное «подсознание», которое «аккумулирует обширный пласт неявных мировоззренческих моделей и сценариев поведения различного происхождения и направленности» [Марченя 2010, с. 90]. При этом под словом «масса» подразумевается не просто численное большинство, а большинство членов общества, объединяемых по принципу однородности характеристик духовной и практической активности вне зависимости от социальных и индивидуально-личностных различий.

Исследователи массового сознания как самостоятельного феномена убеждены в том, что оно начинает формироваться в древности и многие его компоненты надолго сохраняются в коллективном подсознании общества. Следует подчеркнуть, что в культурологических исследованиях обобщенное определение продолжительного отрезка времени считается допустимым, поскольку процессы, связанные с осмыслением действительности, выработкой этических и эстетических ценностей растянуты во времени. Д. В. Ольшанский, внесший большой вклад в изучение массового сознания, пишет: «История показывает: массовый человек – наш прямой предок. Вначале было массовое сознание, и только потом из него стало выделяться сознание индивидуальное. Причем этот процесс продолжается до сих пор. Нам так и не удалось похоронить того “пещерного” предка – он прячется где-то внутри нас, в подсознании» [Ольшанский 2002, с. 3]. Не

будучи специалистом в области социальной психологии, но обладая глубокими знаниями японской истории и культуры, в особенности древней, Н. А. Иофан указывает: «Именно в древности, в период IV–VII вв. н.э.¹ происходит становление психологического склада японского народа, его религиозного мировоззрения, эстетического идеала», подчеркивая, что «в последующие периоды сформировавшиеся ранее специфические особенности японской культуры не только не исчезают, но, напротив, получают дальнейшее развитие в русле национальной японской культуры, и этот факт признают большинство японских исследователей» [Иофан 1974, с. 5].

Этот же факт дает основание полагать, что в массовом сознании той части общества, в которой закладывались основы японской культуры, существовала определенная константа понятийного свойства, способствующая сохранению этих особенностей, а также созданию основы для формирования этических и эстетических понятий и категорий, укрепивших японскую самобытность: что и произошло в эпоху Хэйан (794–1185) и во многом сохранилось в трансформированном виде до наших дней.

Спонтанность возникновения того или иного компонента массового сознания² не позволяет четко определить время его закрепления в сознании, а мозаичность компонентов содержания не всегда позволяет выстроить их в логически стройный ряд. Однако рассмотрение в культурологическом ключе японских памятников литературы, искусства, изучение исследовательских работ зарубежных и отечественных японоведов, а также духовно-практического состояния современного японского общества позволяют выделить мировоззренческие компоненты, которые во многом обусловили специфику японской культуры, и, будучи запечатлены в массовом сознании, образуют своеобразный код для ее сохранения. Он сформировался на синкретической основе,

¹ Названный временной интервал охватывает периоды Кофун (IV–VI вв.) и Асука (592–710), а также эпоху Нара (710–794).

² Массовое сознание «носит синкретический, спонтанно-институционализированный характер» [Грушин 1987, 362] и отличается «мозаичностью, разорванностью, противоречивостью отчетливой консервативностью с одной стороны, и поразительной восприимчивостью к новому, с другой» [Там же, с. 357]. Исследования и выводы Б. А. Грушина в основном имеют отношение к социологии, однако он отмечал, что рано или поздно ни одно исследование в области духовно-практической не сможет обойтись без учета работы массового сознания. Справедливость этого утверждения находит подтверждение в работах современных исследователей.

представляющей собой переплетение местных синтоистских верований с даосскими воззрениями и с учением Будды, пришедшими из Китая и Кореи. Можно сказать, что именно синто-даосско-буддийский синкретизм лежит в основе того, что зачастую называют «традиционно японским». Составляющие этого кода:

- восприятие человеком себя как неотъемлемой части Природы, Универсума (森羅万象, *синра бансё*:), – как части, равной всем остальным частям, и, вследствие этого, отсутствие антропоцентризма;

- убежденность во всеобщей взаимосвязанности вещей (万物一体, *бамбуцу иттай*) и, как следствие, стремление к поддержанию гармонического взаимодействия всех элементов мироздания;

- вера в одухотворенность всего сущего и взаимодействие с синтоистскими богами (神, *ками*), которые мыслятся как существующие в одном с людьми Универсуме, активно участвуя в жизни людей.

В этих точках сходились синтоистские поверья, даосские воззрения и учение Будды. Важно отметить, что в результате синто-даосско-буддийского идеологического взаимовлияния многие философские понятия приобрели своеобразную смысловую окраску и, таким образом, перестали строго соответствовать терминам, закрепленным за ними в первоисточниках.

Человек – неотъемлемая часть Природы

Формами выражения и функционирования массового сознания считаются стихийно ставшие общепринятыми нормы и правила поведения, влекущие за собой единообразные действия, совершаемые без чьих-либо указаний, по собственному желанию членов общества. Таковы, например, естественным образом вписанные в образ жизни обычаи и нормы поведения. Для Японии одним из примеров таких действий может служить обычай любоваться весной цветущей сакурой, осенью покрасневшей листвой кленов, и многое другое, связанное со сменой времен года, обычно воспринимаемое как любовь к природе и восхищение ее красотой. Однако для японца в смене сезонов заключен глубокий смысл – мироздание, частью которого человек себя ощущает, являет ему свою циклическую природу. Не случайно средства массовой информации передают «оперативные сводки» о том, где, когда и что зацветает, и толпы людей отправляются в указанные места, чувствуя себя вовлеченными в этот круговорот.

Сезонные любования явлениями природы сопоставимы с обычаем менять экспозицию в нише *токонома* в домах японского типа. Живописный или каллиграфический свиток и букет *икэбана*, помещаемые в нишу, всегда должны соответствовать времени года. Однако назначение *токонома* не в том, чтобы служить украшением интерьера: меняя экспозицию в соответствии с сезоном, человек вписывает себя в ритм, по которому живет Природа.

Эту же задачу сегодня выполняют сезонные открытки и подарки, оформление блюд и витрин магазинов символами сезона, соответствующая времени года цветовая гамма предметов, предназначенных для продажи, все еще принятые в переписке сезонные приветствия и многое другое, совершаемое по зову души, чтобы вписаться в естественный ход событий во Вселенной.

Особое внимание к смене времен года в классических поэтических антологиях, где стихи расположены по сезонам; роспись вееров, шкатулок, ширм, экранов по мотивам времен года; поэтика трехстиший *хайку*, в которых непременным условием является наличие «сезонного» слова; называние сезона без упоминания исторического времени в театре *Но*: и многое другое свидетельствуют о том, что происходящий в Природе круговорот во все времена был для японцев не только явлением окружающего мира, но и «отражением обобщенной истины существования человека во Вселенной», как говорит известный специалист в области философии и эстетики Сасаки Кэнъити и добавляет: «потому что мы сами – часть природы» [Сасаки 2001, с. 170].

Круговорот времен года для японца прежде всего – это циклическая реализация онтологически заданного текста. Другая составляющая этого «текста» говорит о быстротечности всего сущего – вечен круговорот, быстротечна пора цветения, – призывая проникнуться значимостью сиюминутного.

С точки зрения теории массового сознания, это обстоятельство есть не что иное, как эмпирическое знание, ставшее источником эмоционально-образного суждения. Из подобных суждений обычно формируется так называемое «дотеоретическое» миропонимание, предшествующее появлению теоретического знания, и становится основой для формирования очередной мировоззренческой парадигмы. В Японии таковой можно считать сформированное ко второй половине X в. одно из основных положений миропонимания японцев,

формулируемое как «мгновение, исчезающее в Вечности» (永遠に消えてしまう瞬間, *эйэн-ни кизэтэсимау сюнкан*), о котором подробнее будет сказано ниже. По сути, оно означает понимание неразрывности конкретного-сиюминутного-единичного и вечного Единого Целого, манифестацией которого оно является и в лоне которого существует. Вечность же ассоциируется с Небытием 虚無, *кёму*³, которое есть Вечное Ничто, Пустота из которой всё рождается и куда возвращается. Это понятие привнесено буддизмом, но в нем отчетливо прослеживаются воззрения даосов⁴. Не противоречит оно и синтоистскому пониманию мироздания как Универсума *синра бансё*: вмещающего в себя всё сущее, живое и неживое, абстрактное и конкретное, существующее в действительности и воображаемое, словом, всю «тьму вещей».

Восприятие конкретного, сиюминутного, что бы это ни было – любой предмет, одушевленный или неодушевленный, явление и событие, действие, человеческие эмоции и поступки, – как манифестации Вечного усиливало его значимость и способствовало зарождению у японцев стремления постигать истинный смысл бытия через конкретные факты, явления, предметы и т. п. Н. С. Николаева, посвятившая жизнь исследованию японского искусства и духовного мира его создателей, отмечает характерное для японцев «желание увидеть не частное и конкретное в его собственной ценности, но осознать это конкретное как знак чего-то более значительного, имеющего всеобщий, универсальный смысл» [Николаева 1975, с. 7].

Не занимавшийся профессионально японскими исследованиями, но умевший считывать с произведений искусства заложенный в них смысл, Ван Гог писал: «Изучая искусство японцев, мы неизменно чувствуем в их вещах умного философа, мудреца, который тратит время – на что? На измерение расстояния от Земли до Луны? На анализ политики Бисмарка? Нет, просто на созерцание травинки. Но эта травинка дает ему возможность рисовать любые растения, времена года, ландшафты, животных и, наконец, человеческие фигуры. Так

³ Санскр. *абхава*; здесь 無, *му*, – Пустота (санскр. *шуньята*), невидимое, неслышимое, непознаваемое в логических категориях бытие неявленных форм, которое считается Истинным бытием.

⁴ Дао принято воспринимать как «непреложный закон бытия», «способ существования Вселенной», как «основу основ мироздания». Незримое, неслышимое, неосознаваемое, оно вмещает в себя всё сущее, «все будущие формы, которым еще лишь суждено родиться, уже заключаются в нем» [Лисевич 1979, с. 8].

проходит его жизнь, и она еще слишком коротка, чтобы успеть сделать все. Разве то, чему учат нас японцы, простые, как цветы, растущие на лоне природы, не является религией почти в полном смысле слова?» [Ван Гог 1966, с. 406]. Очевидно, что под «религией почти в полном смысле слова» Ван Гог имел в виду миропонимание, основанное на ощущении человеком связи со всем бытием, имеющим определенные закономерности [Герасимова 2021b, с. 92]. В рамках миропонимания японцев закономерным было ощущение человеком себя неотъемлемой частью целостной системы – Универсума (*синра бансё*), в котором господствует всеобщая взаимосвязанность (*бамбуцу иттай*). Каждая из частей этого целого, по синтоистским поверьям, имеет свою душу *kokoro* и называется *моно* (вещь, предмет, нечто).

Всеобщая взаимосвязанность вещей

Восприятие человеком себя как части мироздания, равной всем остальным его частям, пробуждало в нем стремление жить в гармонии со всем окружающим его миром⁵. Не случайно в тексте, ставшем одним из важнейших канонов даосской традиции Китая «Чжуан-цзы» (III век до н.э.) говорится: «Люби безгранично всю тьму вещей; Небо и Земля – одно тело» [Чжуан-цзы 1995, с. 283].

Наряду с этим синтоистская вера в одухотворенность всего, что включает в себя Универсум, провоцировала стремление оттачивать чувственно-эмоциональное восприятие, дабы «увидеть невидимое и услышать неслышимое» (*見えないものを見る・聞こえない音を聞く, миэнаи моно-о миру, кикоэнаи ото-о кикү*), и постичь непознаваемую в логических категориях унаследованную от Природы суть каждой вещи, её «самое само»⁶. Во главу угла ставилось именно эмоциональное постижение, а не логическое познание неповторимой сути всего

⁵ В современной философской науке существует мнение, что подобное стремление к гармонизации с окружающим миром характерно для культуры Понимания в отличие от культуры Познания, которую характеризует противопоставление субъектом себя окружающему миру. Сопоставление позиций, с которых осваивался мир в западной и восточной культурах, показывает, что «самая общая характеристика их “мышления” приводит к обозначению Западной культуры как культуры Познания, а Восточной как культуры Понимания» [Снитко 2001, с. 252].

⁶ Выражение, в высшей степени подходящее в данном контексте, заимствовано у А. Ф. Лосева, полагавшего, что «самое главное это – сущность вещей, знать главное – это знать не просто внешнее и случайное, но знать основное и существенное, то, без чего не существует вещи» [Лосев 1994, с. 300].

и вся, каждой из «тьмы вещей», с которой приходилось сталкиваться в окружающем мире.

Эмоциональный отклик *аварэ* (первоначально – возглас удивления, восхищения), возникающий как реакция на *моно*, так называемое *моно-но аварэ*, в эпоху Хэйан воспринимался как свидетельство постижения его сути. К середине X в. *моно-но аварэ* сформировалось как мировоззренческая и эстетическая категория и во многом обусловило самобытность японской культуры и, в особенности, японского искусства. «Чувствовать – значит постигать *моно-но аварэ*» (感ずるを、もののあはれをしないとはいふ, *кандзуру-о моно-но аварэ-о сирутто ва цу*) – таков был вывод главы Школы национальной науки⁷ Мотоори Норинага (1730–1801) относительно особенностей мировоззрения японцев.

Природа *моно-но аварэ* двойка: с одной стороны, это вызывающая определенный эмоциональный отклик суть каждой вещи, *моно*, в которой заключено ее «очарование», но в то же время это испытанная человеком «очарованность вещью». Категория *моно-но аварэ* положила начало цепи представлений японцев о прекрасном, связующей эпоху Хэйан с современностью⁸. Прекрасным считалось всё, что рождало эмоциональный отклик, а эмоция как ситуативное чувство была самоценна независимо от ее характера. В ту же эпоху Хэйан придворная дама Сэй Сёнагон (ок. 966–1017) в знаменитых «*Записках у изголовья*» (枕の草紙, «*Макура-но со:си*») при перечислении того, на что откликается душа человека, называет не только то, что навеивает светлое настроение и глубоко трогает, но и то, что вызывает скуку, тоску, родит тревогу, докучает и пр. Эмоция воспринималась как посредник между испытанным ее человеком и окружающим миром, что «должно было служить поддержанию гармонической связи во Вселенной» [Герасимова 2018, с. 300].

⁷ Возникшая в XVIII в. научная школа *кокугакуха* 国学派 («Школа национальной науки», также *вагаку* 和学, «Школа японских наук») занималась исследованием древних и средневековых японских памятников письменности, внесла большой вклад в понимание национального своеобразия японцев и японской культуры. В то же время результатом этих исследований стал культ синто, зачастую принимавший крайние формы.

⁸ Ни одно из звеньев в цепи эстетических идеалов (*моно-но аварэ*, 幽玄 *ю:гэн*, 侘び寂び *ваби /саби*, 粋 *суй/ики*) не было абсолютно новым, каждое представляло собой трансформацию предыдущего. Последнее звено, *суй/ики*, возникшее в эпоху Эдо (1603–1867), по сей день актуально как эмотивно-оценочная характеристика [Герасимова 2016, с. 43].

Свидетельством того, что поддержание эмоциональной связи действительно имело особое значение, является также сложившееся во второй половине X в. в рамках традиционной поэзии *вака* понятие 余情, ёдзё:. Природа ёдзё:, также как *моно-но аварэ*, двойка. «С одной стороны, ёдзё: это имманентный стиху “дополнительный смысл”, который всегда однозначен и не подлежит интерпретации. С другой стороны, ёдзё: – это осознанное чувство, возникающее у читателя вслед за эмоциональным откликом на прочитанное и сохраняющееся в его памяти как считанный с текста вполне конкретный «дополнительный смысл» стиха» [Герасимова 2021а, с. 146]. Впоследствии ёдзё: стало критерием художественности для всех жанров и видов искусства, в особенности живописи и сценических постановок. Эмоциональная составляющая – одна из основных в художественных традициях любого народа. Но вряд ли где-либо она имела мировоззренческую, философскую основу и возводилась в культ, становясь почти синонимом нравственности [Герасимова 2018, с. 295] или воспринималась как одно из средств поддержания всеобщей взаимосвязанности, как в Японии.

«Мгновение, исчезающее в Вечности»

Примечательно, что в то время, когда в среде создателей самобытной японской культуры жизненным кредо был «эмоционализм» [Конрад 1974, с. 204], предполагавший стремление наполнить жизнь переживанием разнообразных эмоций, в сознании людей уже прочно укоренилось призывающее к душевному равновесию и спокойной созерцательности учение Будды. Идеи тщеты бытия и преходящести всего сущего скорректировали мироощущение японцев, внося в него элегические ноты, но это также было воспринято как новый эмоциональный опыт, о чем говорит появление в этот период понятия «чарующей прелести непостоянства» 無常の哀れ *мудзё:⁹-но аварэ*. Хрестоматийным стало высказывание монаха Кэнко (1283–1350) о прелести непостоянства в «*Записках от скуки*» (徒然草, «*Цурэдзурэгуса*»): «Если бы человеческая жизнь была вечной и не исчезала бы в один прекрасный день, подобно росе на равнине Адаси, и не рассеивалась бы, как дым над горой Торибэ, не было бы в ней столько

⁹ Санскр. *анитья*, одна из основополагающих категорий буддизма.

скрытого очарования. В мире замечательно именно непостоянство» [Кэнко-хо:си 1988, с. 317].

Отсюда и «присущая японцам утонченная печаль» (日本の繊細な哀愁, *Нихон-но сэнсайна ай-сю:*), о которой писал Кавабата Ясунари, признанный знаток «традиционно-японского». В эссе «*Нетленная красота*» (ほろびぬ美, «*Хоробину би*») он отмечает, что в японском языке понятия «печаль» и «красота» взаимосвязаны [Kawabata 1973, p. 80].

С распространением буддизма стала практиковаться медитация, в обычай вошло временное уединение в монастырях для размышлений и обретения душевного равновесия. Но это не означало отказа от стремления жить эмоционально насыщенной жизнью, эстетическое переживание не теряло своей значимости, а в мгновении, наполненном содержанием, провоцирующим эмоцию, усматривалась своя особая красота.

Сформировавшись ко второй половине X в., концепт «красота мгновения, исчезающего в Вечности» получил художественное воплощение в драмах театра *Но*., в традиционных поэтических жанрах *танка*, а позднее и в *хайку*, в монохромной живописи 水墨画 *суйбокуга*, и 墨画, *сумиэ*. Характерной для всех видов и жанров стала идейная «двуплановость», придающая им философскую поэтичность.

Двуплановость предполагает одновременное существование в произведении космического плана, говорящего о Вечном Небытии *кэму*, и плана реального, отражающего мирское, повседневное, сиюминутное, исполненное человеческих чувств и эмоций. Так, например, в поэзии выражением космического плана зачастую служат образы природы или сезонные приметы, в живописи *суйбокуга* и *сумиэ* – незаполненное рисунком пространство, так называемые 余白, *ёхаку*, ассоциируемые с Пустотой *му*. Не будет преувеличением сказать, что критерием ценности артефактов также считалась своеобразная идейная «двуплановость», а именно, сочетание функциональности с наличием видимых свойств предмета, вызывающих ассоциацию с вечным, сопричастным Универсуму. Таким образом, понимание неразрывности конкретного, сиюминутного и истинно сущего Вечного, образно формулируемое как «мгновение, исчезающее в Вечности», определило концептуальность традиционного японского искусства, которое в Японии зачастую называют «конструктом западного происхождения», поскольку таковым оно стало осознаваться в эпоху Мэйдзи (1868–1912).

В ходе проведения реформ по западному образцу все культурное наследие Японии было пересмотрено и классифицировано по критериям, принятым на Западе. Тогда же японцы познакомились с понятием «искусство»¹⁰ и словом для его обозначения – 芸術, *гэйдзюцу*¹¹, под которым стало пониматься всё то, что они, следуя учению буддийской школы Сингон, называли «Путиами». Школа Сингон пользовалась наибольшим влиянием в эпоху Хэйан, когда занятия искусствами рассматривались как «Пути»¹². Считалось, что художественные практики способствуют обретению душевного равновесия, интуитивному познанию невыразимой в логических категориях Истины и поддержанию Вселенской гармонии, стремление к чему следовало считать нравственным долгом. Так, до середины XIX в. поэзия понималась как «Путь песни» (歌道, *кадо*), живопись – «Путь картин» (画道, *гадо*), театральное искусство – «Путь драмы» (劇道, *гэкидо*) и т. д.

Роль, которую традиционно играло существующее фактически, но не осознаваемое как таковое, искусство в японском обществе и пронизывающая его мировоззренческая концептуальность как нельзя лучше выражали понимание японцами окружающего мира, места, которое занимает в нем человек, и бытия в целом.

Неудивительно поэтому, что в период становления новой государственности именно искусство рассматривалось идеологами-интеллектуалами в качестве платформы, на которой можно было создать японскую нацию. Это было важно для интегрирования в мировое сообщество. К тому же японское искусство уже успело получить популярность на Западе, что положило начало охватившему Европу увлечению всем японским, «японизму», и слово *гэйдзюцу* стало одним из ключевых в последние десятилетия XIX в.

¹⁰ Впервые об искусстве как о культурном и социальном феномене в западноевропейском понимании японцы услышали в 1882 г. во время лекции американского философа, этнографа, востоковеда Эрнеста Фенеллозы (1853–1908). В период проведения в Японии реформ по западному образцу Фенеллоза способствовал сохранению материального культурного наследия, которое в условиях вестернизации страны было в крайне запущенном состоянии.

¹¹ Строго говоря, слово *гэйдзюцу* впервые встречается в «Истории империи Поздняя Хань» (後漢書, кит. «Хоу Ханьшу»), но отсутствует в словаре японских архаизмов: общепотребительным оно стало спустя 13 веков, для перевода на японский слова «искусство».

¹² 道, *до*: или *мити*, кит. *Дао*, метафора даосского происхождения, означает Вселенский путь, иначе говоря, Путь Истинно сущего, Путь гармонического развития Вселенной.

Следует отметить, что усвоение японцами понятия «искусство» в его западноевропейском понимании требовало перестройки сознания в понимании мира и человека. Японское искусство рождалось из понимания мира как единого Универсума, в котором господствует всеобщая взаимосвязанность вещей, западное – из противопоставления внешнему миру, окружающему человека, внутреннего мира человеческой личности. Понимание и приятие (или неприятие) этого требовали времени. В стране начались нескончаемые дискуссии о сущности и задачах искусства. Образовывались группы единомышленников, возникали новые жанры, школы и направления в разных видах искусства, создавались музеи. Правительство и энтузиасты-просветители принимали меры для расширения кругозора японцев. Всё это происходило на фоне знакомства с искусством и литературой Запада. Не будет преувеличением сказать, что роль русской литературы в умении по-иному посмотреть на мир и человека была особенно велика.

Всё это способствовало выявлению индивидуальных особенностей личности, интегрированию в мировое сообщество и в то же время утверждало в восприятии широкого круга японцев (речь не идет об интеллектуалах) «автономности» традиционного японского искусства. Причина была в том, что оно отличалось от западного не только средствами художественной выразительности, но и идейным наполнением и задачами.

Единство этического, эстетического и религиозного

Указанные выше особенности японского мирозерцания по-иному, чем на Западе, определили в Японии роль и значение труда и творчества в жизни общества и человека, спаяв воедино этическое, эстетическое и религиозное.

Синтоистская вера в одухотворенность всех вещей и отношение к труду как к продолжению в дальнем мире дел, начатых синтоистскими богами, порождали чувство ответственности человека за его созидательные действия и почти благоговейное отношение к продукту труда. В первую очередь это проявлялось в отношении к материалу, с которым приходилось работать так, чтобы сохранить заложенное в него Природой его «самое само», – отсюда внимание к рисунку древесины, цвету глины, фактуре песка и т.д. Кроме того считалось, что боги бывают недовольны, если им стремятся представить точное

подобие чего-либо, сотворенного ими, воспринимают это как непонимание невозможности повторить их действия. Поэтому людям следовало проявлять выдумку и изобретательность – 趣向, *сюко*: [Yamaguchi 1991, p. 10].

Сюко: значит «идея», «замысел», применение которых свидетельствует о почтительном отношении к богам, о желании продемонстрировать им, что их замысел понят и что взявший на себя труд изготовить, смастерить, соорудить, изобразить, выразить и т. п. умеет отличить подлинное от видимого. Таким образом, изготовление чего бы то ни было становилось творческим актом, а изготовленный предмет всегда был единственным в своем роде и воспринимался как проводник в системе «человек – Природа». Ощущающий себя частью этой системы японец не помышлял о самовыражении. Созданное человеком не могло быть противопоставлено Природе. Это стало одной из причин, почему в Японии не возникло понятие «искусство», несмотря на чрезвычайно большое значение, придаваемое художественным практикам во все времена. Создавать произведения искусства, не помышляя об этом, помогало японцу *сюко*: – по сути, не что иное как творческий замысел, требующий эстетической реакции, активизации воображения и творческой фантазии во время трудового процесса, что не меняло мотивации: выявить унаследованную от Природы суть, того, с чем приходилось иметь дело.

Разумеется, далеко не каждый артефакт мог быть причислен к произведениям искусства, но отношение к труду было именно таким – не только добросовестным, но и в определенном смысле творческим, хотя и не осознавалось как таковое, и не всегда достигалась поставленная цель. Изготовленный предмет воспринимался не только утилитарно, но и как некий образ, значимый сам по себе, как принадлежность не только физического, но и духовного мира. Труд, связанный с изготовлением чего-либо, для японца означал творение, результатом чего становилось создание новой ценности, которая способствовала совершенствованию окружающего мира, в чем так же, как и в поддержании Вселенской гармонии, виделся долг людей.

В подобном понимании труда и его продукта просматриваются истоки характерных для японцев трудолюбия и неизменно высокого качества изготавливаемой ими продукции. Это наводит на мысль о существовании в массовом сознании японского общества установки, связанной с пониманием труда и «изготовлением вещей»

物作り, *монодзукури*, сформированной вследствие синтоистских поверий, о которых говорилось выше.

С конца 1990-х гг. слово *монодзукури* используется как термин для обобщенного обозначения японской культуры «производства» в самом широком смысле этого слова, включая все процессы и все виды деятельности, необходимые для предоставления продукта потребителю в абсолютно готовом виде. В этом случае *монодзукури* записывается слоговой азбукой *хирагана* – *ものづくり*. Если речь идет о производстве как таковом, японцы употребляют слова *製造 сэйдзо*:, или *生産, сэйсан*.

В статье, посвященной проблемам преодоления экономического кризиса в Японии 2005 г., рассуждая о *монодзукури* как о культуре производства, отражающей, по единодушному мнению специалистов, особенности японской национальной культуры в целом, президент компании «Мацусита электрик индастриэл»¹³ Накамура Кунио пишет: «Японцы в силу особенностей своего национального характера особенно успешны в *монодзукури*... Японское *монодзукури* больше, чем просто производство... *Монодзукури* для японцев – это акт создания новой ценности» [Nakamura 2005, p. 5].

Одной из главных составляющих философии *монодзукури* считаются «особенности производства, предполагающие не только сам процесс изготовления продукта, но и осознание духовного и идейного содержания любого вида трудовой деятельности на любом участке» [Герасимова 2013, с. 12]. Стало быть, с точки зрения философии *монодзукури* воспринимается как принадлежность не только физического, но и духовного мира, «новая ценность», способствующая дальнейшему «совершенствованию бытия», в чем исстари виделся долг людей. Неслучайно одной из ключевых концепций японского менеджмента является *改善, кайдзэн*, «совершенствование». С начала 1990-х гг. *кайдзэн*, как и *монодзукури*, употребляется как термин в сфере менеджмента во всем мире.

Интересно отметить, что с точки зрения философии *монодзукури*, важную роль в достижении поставленных целей играет предпочтение, отдаваемое не специализации и анализу, а методам интеграции и синтеза, что подтверждает принадлежность японской культуры культурам Понимания, о чем говорилось выше.

¹³ С 2008 г. – Панасоник корпорейшн.

Во всех этих методах и способах организации и управления производством главенствует стремление к объединению и гармонизации работы всех его сегментов, что не может не вызвать ассоциацию со стремлением к поддержанию всеобщей гармонической взаимосвязанности. Свидетельством того, что ассоциация не случайна, может служить признание в Японии основополагающим принципом всех видов деятельности, и в особенности менеджмента, принципа 和, *wa*, гармонии. Призыв к гармонизации всех форм бытия, и производства как одной из его форм содержится в девизах всех производственно-деловых объединений. Для воплощения лозунгов в дело «концепция *wa* обеспечивает японцев цельной философией для ведения бизнеса, включающей специфические повседневные установки. Эта система мышления и поведения является частью японской культуры, и ее невозможно познать в школах бизнеса или на семинарах» [Симхович, 2003], пишет специалист по философии современного бизнеса и менеджмента В. А. Симхович после пребывания в Японии.

Однако поскольку у японцев стремление к гармонизации, к синтезу существует на подсознательном уровне и не осознается как такое, во многих компаниях новых сотрудников обязывают посещать курсы обучения принципам *wa*.

Специалисты по вопросам организации и управления производством единодушно отмечают, что японский подход к бизнесу отражает особенности национальной культуры. Его поддерживает абсолютное большинство населения страны, что позволяет рассматривать японский подход к бизнесу как выражение функционирования массового сознания, сохранившего традиционное отношение к труду, к производству, к окружающему миру. Как утверждают исследователи массового сознания, оно, «обладая широким набором собственных средств и форм выражения и воздействия на различные типы социальных субъектов, регулирует не только личное и общественное поведение людей, но и в не меньшей мере деятельность социальных институтов, учреждений и организаций» [Грушин 1987, с. 362–363].

Выводы

Проследив работу мировоззренческих компонентов массового сознания (восприятие человеком себя как неотъемлемой части Универсума, равной всем остальным его частям; убежденность во всеобщей взаимосвязанности вещей; вера в одухотворенность всего сущего) на примерах системообразующих составляющих – человек, труд, творчество – можно сказать, что основу, на которой возникали этические и эстетические ценности японцев, обусловившие самобытность японской культуры в самом широком смысле этого слова, сформировало массовое сознание.

В эпоху Мэйдзи, в период проведения реформ по модернизации страны в процессе знакомства с ценностями западных цивилизаций, в частности, с понятием «искусство», эти же мировоззренческие компоненты массового сознания поставили японцев перед необходимостью пересмотреть свое понимание мира и места, которое занимает в нем человек.

Японцам удалось, не отказываясь от собственных воззрений и предпочтений, усвоить ценности и достижения западных цивилизаций и применить их на практике. Они сумели посмотреть на мир и человека с других позиций, понимая, что в общем – это иной способ познания мира, человека и бытия, который в условиях современной действительности и полезен, и интересен.

Таким образом, сегодня приверженность японцев национальным традициям, проявляемую в самых разнообразных формах и областях жизнедеятельности людей, обуславливают именно массовое сознание и порожденные им ментальные установки.

Библиографический список

Ван Гог (1966). Письма. – Ленинград – Москва: Искусство.

Герасимова М. П. (2013). Традиционные ценности как фактор движения Японии по пути прогресса. *Восток (Oriens)*. № 1. С. 119–128.

Герасимова М. П. (2018). Самоценность эмоции в японском культурном пространстве. *Ежегодник Японии*. Т. 47. С. 294–312.

Герасимова М. П. (2021a). Ёдзё: – критерий художественности в японской эстетике. *Вестник Института востоковедения РАН*. № 2. С.144–156.

Герасимова М. П. (2021b). Пути японской живописи. *Вестник Института востоковедения РАН*. № 1. С. 89–103.

Грушин Б. А. (1987). *Массовое сознание. Опыт определения и проблемы исследования*. – Москва: Политиздат.

Иофан Н. А. (1974). *Культура древней Японии*. – Москва: Наука.

Кэнко-хоси (1988). *Записки от скуки*. Пер. В. Н. Горегляда. В изд.: *Классическая японская проза XI–XIV вв.* – Москва: Художественная литература. С. 313–429.

Конрад Н. И. (1974). *Японская литература*. – Москва: Наука.

Лисевич И. С. (1979). *Литературная мысль Китая*. – Москва: Наука.

Лосев А. Ф. (1994). *Миф, число, сущность*. – Москва: Мысль.

Марченя П. П. (2010). Современные подходы к изучению масс и массового сознания в истории: тенденции и результаты. *Современные исследования социальных проблем*. № 3. С. 86–90.

Николаева Н. С. (1975) *Японские сады*. – Москва: Искусство.

Ольшанский Д. В. (2002) *Психология масс*. – Санкт-Петербург: Питер.

Сасаки Кэнъити (2001) Эстетическая жизнь в антиурбанистической культуре Японии. *Ориентир*. Вып. 1. С. 166–187. <https://iphlib.ru/library/collection/articles/document/HASH3bddc2303c636b803337bf>

Симхович В. А. (2003) Истоки современной японской системы управления. https://www.cfin.ru/management/people/japan_sources.shtml

Снитко Т. Н. (2001) К вопросу о специфике организации японского культурного пространства. *История и культура Японии*. Москва: ИВ РАН – Крафт. С. 252–270.

Чжуан-цзы (1995). *Чжуан-цзы. Ле-цзы*. Пер. В. В. Малявина. – Москва: Мысль.

References

Chuang Tzu. (1995) *Chzhuan-tszy. Le-tszy* [Chuang Tzu. Le Tzu]. Transl. by V. V. Malyavin. Moscow: Mysl'. (In Russian).

Gerasimova, M. P. (2013). Traditsionnye tsennosti kak faktor dvizheniya Yaponii po puti progressa [Traditional Values as a Factor of Industrial and Economic Progress in Japan]. *Vostok (Oriens)*, 1, 119–128 (In Russian).

Gerasimova, M. P. (2018). Samotsennost' emotsii v yaponskom kul'turnom prostranstve [Inherent Value of Emotion in the Japanese Cultural Space]. *Yearbook Japan*, 47, 294–312. (In Russian).

Gerasimova, M. P. (2021a). *Yojō – kriterii khudozhestvennosti v yaponskoi estetike*. [Yojō – The Criterion of Artistry in Japanese Aesthetics]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, 2, 144–156. (In Russian).

Gerasimova, M. P. (2021b). *Puti yaponskoi zhivopisi*. [The Ways of Japanese Painting]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, 1, 89–103. (In Russian).

Grushin, B. A. (1987) *Massovoye soznanie. Opyt opredeleniya i problemy issledovaniya* [Mass Consciousness. Attempt of Determining and Problems of Researching]. Moscow: Politizdat. (In Russian).

Iofan, N. A. (1974). *Kul'tura drevnei Yaponii* [Culture of Ancient Japan]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Kawabata, Yasunari. (1973). *Horobinu bi. Take-no Koe, Momo-no Hana* [Imperishable Beauty. Bamboo Voice, Peach Flowers]. In *Kawabata Yasunari zuihitsu* [Collection of Essays by Kawabata Yasunari] (pp. 77–84). Tokyo: Shinshosha. (In Japanese).

Kenkō-hōshi. (1988). *Zapiski ot skuki* [Tsurezuregusa]. Transl. by V. N. Goreglyad. In *Klassicheskaya yaponskaya proza XI-XIV vv.* [Classical Japanese Prose of the 11th – 14th Centuries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Konrad, N. I. (1974). *Yaponskaya literatura* [Japanese Literature]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Lisevich, I. S. (1974). *Literaturnaya mysl' Kitaya* [Literary Ideas in China]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Losev, A. F. (1994). *Mif, chislo, sushchnost'* [Myth, Number, Essence]. Moscow: Mysl'. (In Russian).

Marchenya, P. P. (2010). *Sovremennye podkhody k izucheniyu mass i massovogo soznaniya v istorii: tendentsii i rezul'taty* [Modern Approaches to the Studying of the Masses and Mass Consciousness in History: Trends and Results]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Studies of Social Problems], 3, 86–90. (In Russian).

Nakamura, Kunio. (2005) *Manufacturing as the Lifeblood of the Nation*. *Japan Echo*, 32 (4), 44–49. (In English).

Nikolaeva, N. S. (1975). *Yaponskiye sady* [Japanese Gardens]. Moscow: Izobrazitel'noye iskusstvo. (In Russian).

Ol'shanskiy, D. V. (2002). *Psikhologiya mass* [Psychology of the Masses]. Saint Petersburg: Piter. (In Russian).

Sasaki, Ken'ichi. (2001). *Esteticheskaya zhizn' v antiurbanisticheskoi kul'ture Yaponii* [Aesthetic Life in Japan's Anti-Urban Culture]. *Orientyr*, 1, 166–187. <https://iphlib.ru/library/collection/articles/document/HASH3bddc-2303c636b803337bf> (In Russian).

Simkhovich, V. A. (2003). Istoki sovremennoi yaponskoi sistemy upravleniya [Origins of the Contemporary Japanese System of Management]. *Theory and Practice of Management*. https://www.cfin.ru/management/people/japan_sources.shtml

Snitko, T. N. (2001). K voprosu o spetsifike organizatsii yaponskogo kul'turnogo prostranstva [On the Question of the Specifics of the Organization of the Japanese Cultural Space]. In *Istoriya I kul'tura Yaponii* [History and culture of Japan] (pp. 252–270). Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS: Kraft. (In Russian).

Van Gogh, Vincent. (1966). *Pis'ma* [Letters]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).

Yamaguchi, Masao. (1991). The Poetics of Exhibition in Japanese Culture. In Karp, I., Lavine, S. D., *Exhibiting Cultures: The Poetics and Politics of Museum Display* (pp. 57–67). Washington, London: Smithsonian Institution Press.